

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

ТЮРКОЛОГИЯ В ЛЕНИНГРАДСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

А. Н. Кононов посвятил много работ истории отечественного востоковедения, в частности истории тюркологии в Петербургском—Ленинградском университете.¹ Предлагаемая статья представляет собой как бы дополнение к соответствующим исследованиям А. Н. Кононова.

Почти сто лет отделяют от Великой Октябрьской социалистической революции начало преподавания тюркологических дисциплин в Петербургском университете. Этот период можно разделить на несколько этапов, отражающих собой постепенное становление тех основ университетской тюркологии, которые были унаследованы от дореволюционной науки советскими тюркологами.

Первый этап — 1822—1839 гг. — связан с деятельностью О. И. Сенковского. В это время тюркология не получает еще самостоятельного места в преподавании востоковедческих предметов. О. И. Сенковский, занимающий кафедру арабского языка, лишь эпизодически читает слушателям турецкий язык.

Второй этап — 1839—1855 гг. — характеризуется упрочением положения тюркологии как самостоятельной востоковедческой дисциплины. Преемник О. И. Сенковского А. О. Мухлинский начинает систематическое чтение предметов, имеющих целью изучение турецкого языка и литературы; тематика его лекций затрагивает и вопросы изучения других тюркских языков — «татарских наречий», в чем ему помогает Л. З. Будагов.

На третьем этапе, начало которого относится к году открытия факультета восточных языков, — в 1855—1863 гг. — вместе с А. О. Мухлинским на факультете работает И. Н. Березин, чьи интересы лежат уже полностью в сфере изучения различных тюркских языков. В это время преподавание турецкого языка и литературы, осуществляемое А. О. Мухлинским, дополняется регулярным чтением курсов по другим тюркским языкам и литературам (И. Н. Березин, Л. З. Будагов). Учебные планы приобретают известную стабильность. На факультете закладываются основы университетского преподавания тюркологии.

Четвертый этап охватывает собою период, который можно ограничить 1863 и 1894 гг. Этот период, последовавший за введением университетского устава 1863 г. и в целом характеризующийся дальнейшим развитием традиций университетского преподавания тюркологии, начался для кафедры турецко-татарских наречий с известных трудностей в связи с уходом А. О. Мухлинского (1866) и необходимостью подыскания преемника его в преподавании турецкого языка и литературы. Отличительной чертой этого периода является тот факт, что кафедра стремится пополнить состав своих преподавателей за счет выпускников факультета. Эти устремления нашли более или менее устойчивое разрешение лишь в 1873 г., когда кафедра была замещена окончившим факультет В. Д. Смирновым. Этот этап завершается вступлением на преподавательское поприще в университете талантливейшего русского тюрколога, питомца факультета П. М. Мелиоранского (1894),² который в своей педагогической деятельности явился преемником скончавшегося вскоре (1896) И. Н. Березина, а в научной деятельности стал основателем нового направления тюркологии — тюркоского языкознания.

Последний этап предреволюционного развития русской университетской тюркологии — 1894—1917 гг. — характеризуется углублением процесса дифференциации различных областей тюркологии, начавшегося в последней четверти XIX в., и прежде всего разделением университетской тюркологии на две школы — лингвистическую (П. М. Мелиоранский) и филологическую (В. Д. Смирнов). В это время на кафедре работали В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович (с 1907) и П. А. Фалев (с 1915), которым суждено было положить начало университетскому преподаванию тюркологических дисциплин уже в советское время. Труды П. М. Мелиоранского, умершего в 1906 г., сыграли исключительную роль в развитии тюркоского языкознания в советский период.

В дореволюционный период развития тюркологии на факультете восточных языков трудами ученых-тюркологов, здесь работавших, был внесен ценнейший вклад в русское востоковедение, заложивший наряду с трудами тюркологов других востоковедных школ (Казань, Москва) основы научной тюркологии, которую по праву называют русской классической тюркологией. За сто лет существования русского востоковедения как науки и за шестьдесят лет деятельности факультета восточных языков — первого востоковедного учреждения в России, в котором было достигнуто сочетание научных исследований и педагогической практики, — отечественные ориенталисты, в том числе тюркологи, выработали плодотворные методы исследования и преподавания, которые были ими переданы востоковедам нового поколения, трудившимся уже в послеоктябрьскую эпоху.

После Великой Октябрьской социалистической революции перед советскими тюркологами встали задачи большой государственной важности, обусловленные коренными революционными преобразованиями в советской России, в том числе в ее южных

и восточных окраинах, а также развитием национально-освободительного движения на всем Востоке. Советские тюркологи своими научными трудами и своей практической деятельностью обязаны были всемерно содействовать советскому и культурному строительству, которое осуществлялось под руководством коммунистической партии среди многочисленных тюркоязычных народов нашей страны. Чрезвычайно важной задачей была также подготовка кадров тюркологов, в том числе национальных, для работы в тюркоязычных республиках и областях страны. Видная роль в решении этих задач принадлежала тюркологам Петрограда—Ленинграда.

В первые годы после революции кафедра «турецко-татарской словесности» продолжает свою работу в рамках арабско-персидско-турецко-татарского разряда на факультете восточных языков. В это время членами кафедры состояли профессор (с 1888 г.) В. Д. Смирнов, А. Н. Самойлович (с 25 сентября 1917 г. — доцент, с 18 декабря 1917 г. — экстраординарный профессор, с 13 сентября 1918 г. — ординарный профессор), П. А. Фалев (с 1915 г. — приват-доцент, с 13 сентября 1918 г. — доцент, с 10 декабря 1918 г. — профессор), лектор С. М. Шашал.³ Учебные обязанности распределялись следующим образом:

В. Д. Смирнов — «Чтение с комментариями текстов османских писателей, отличающихся стилистической характерностью и сложностью грамматической конструкции языка их произведений, как то: из истории Вейси, Солак-заде, Васыфа»; «Чтение из Сэргузешти Али Бей и Терджуме-и Телемак»; «Очерк османской литературы» (все лекции в 7-м—8-м сем.);

А. Н. Самойлович — «Введение в изучение турецких племен и наречий» (3-й—4-й сем.); «Чагатайский язык» (5-й сем.); «Казак-киргизское наречие» (6-й сем.); «Кутадгу-билик» и «Сравнительная морфология турецких языков и наречий» (7-й—8-й сем.);

П. А. Фалев — «Грамматика османского языка с чтением османских текстов в начертании русской академической транскрипции и арабского алфавита» (3-й—4-й сем.); «Чтение памятников повествовательной литературы» (5-й сем.); «Чтение извлечений из казыаскерских книг Крымского ханства по хрестоматии В. Д. Смирнова» (6-й сем.);

С. М. Шашал — «Диалогические упражнения на прочитанных статьях из новейших османских литературных произведений» (4-й сем.); «Переводы с русского языка на турецкий и упражнения в чтении рукописных османских текстов. Разбор документов почерками дивани и джеми-дивани» (7-й—8-й сем.).⁴

В числе обязательных лекций значились: в 3-м семестре — «Турецко-татарский язык» (А. Н. Самойлович), «Османский язык» (П. А. Фалев); в 5-м семестре — «Османский язык» (П. А. Фалев), «Турецко-татарский язык» (А. Н. Самойлович), турецкий язык (С. М. Шашал); в 7-м семестре — «Османский язык» (В. Д. Смирнов), «Турецко-татарский язык» (А. Н. Самойлович), турецкий язык (С. М. Шашал).⁵ Кроме того, «всем студентам-

восточникам, избирающим своей специальностью лингвистику», рекомендовалось посещение фонетического практикума профессора Л. В. Щербы на историко-филологическом факультете.⁶

В связи с новыми общественными условиями на факультете начинаются поиски новых форм преподавания и новых рамок специализации. Первым мероприятием на этом пути было решение факультета (в сентябре 1918 г.) о расширении возможностей специализации для студентов арабско-персидско-татарского разряда. Были предусмотрены следующие специальности: 1) исламоведение, 2) история мусульманского Востока, 3) арабская филология, 4) персидская словесность, 5) османская словесность, 6) турецко-татарские наречия.⁷

Несколько ранее, летом 1918 г., члены кафедры турецко-татарской словесности представили на факультет записку о необходимости изменений в учебных планах отделения «турецко-татарских наречий». В связи с предполагавшимися преобразованиями в отношении специализации студентов и приближением в силу этого учебных планов факультета к историко-филологическому профилю факультет на основании записки, поданной членами кафедры, определил «исключить из отделения турецко-татарских наречий сравнительную морфологию турецких наречий как предмет лингвистического характера», а «интересы турецкой лингвистики обеспечить при рассмотрении новых планов монголо-маньчжуро-турецкого разряда или, если это будет признано желательным, нового разряда турецкой филологии».⁸

По новому учебному плану число обязательных лекций для студентов старших курсов расширялось за счет введения исторических дисциплин. Был утвержден следующий перечень обязательных для посещения лекций.

В 5-м семестре:

а) по отделению «османской словесности» — курсы «Истории османской литературы» и «История Турции» В. Д. Смирнова, курс чагатайского языка А. Н. Самойловича, курс турецкого языка П. А. Фалева, практический курс турецкого языка С. М. Шапшала;

б) по отделению «турецко-татарских наречий» — курс «История османской литературы» В. Д. Смирнова, курс «История Ирана» В. В. Бартольда, курсы чагатайского и ногайского или кумыкского языков А. Н. Самойловича, курс турецкого языка П. А. Фалева, практические занятия по турецкому языку С. М. Шапшала;

в 7-м семестре:

а) по отделению «османской словесности» — курсы «Османский язык и литература» и «История Турции» В. Д. Смирнова, практический курс турецкого языка С. М. Шапшала, а также курсы истории Византии и греческого языка;

б) по отделению «турецких наречий» — курс турецкого языка и литературы В. Д. Смирнова, курс истории Туркестана В. В. Бар-

тогда, курсы уйгурского и казанско-татарского языков А. Н. Самойловича, занятия по турецкому языку С. М. Шапшала.⁹

В 1919—1925 гг., в университете востоковедение в целом, в том числе и изучение тюркских языков, было представлено на факультете общественных наук (ФОН), где вели педагогическую работу А. Н. Самойлович¹⁰ и П. А. Фалев, скончавшийся в 1922 г.¹¹ С 1920 г. основным центром подготовки востоковедов стал Петроградский институт живых восточных языков (с 1928 г. — Ленинградский восточный институт). Здесь работали многие видные ученые бывшего факультета восточных языков, в том числе тюркологи В. Д. Смирнов (ум. 1922 г.), А. Н. Самойлович, а также С. Е. Малов, вернувшийся в 1923 г. из Казани.¹² Тюркология как научная дисциплина была возрождена в университете в 1925 г. — сначала в составе восточного отделения на факультете языкознания и истории материальной культуры, а осенью 1934 г. — в выделившемся из университета Ленинградском историко-философско-лингвистическом институте (ЛИФЛИ), где была открыта тюрко-монгольская кафедра, которую возглавил Н. К. Дмитриев (1898—1954). В дальнейшем кафедра входила в состав восточного отделения филологического факультета. В 1944 г. на вновь созданном Восточном факультете ЛГУ была открыта и кафедра тюркской филологии, которую последовательно возглавляли Н. К. Дмитриев (1944—1947), С. Е. Малов (1947—1949), А. Н. Кононов (1949—1972).

Советский период развития тюркологии в университете и в других востоковедных учреждениях Ленинграда связан с именами таких крупных тюркологов, как А. Н. Самойлович, С. Е. Малов, Н. К. Дмитриев, А. Н. Кононов.

В послеоктябрьский период развернулась зрелая научная и педагогическая деятельность А. Н. Самойловича, с 1925 г. являвшегося членом-корреспондентом, а с 1929 г. — действительным членом АН СССР.¹³ А. Н. Самойлович принадлежит к числу тех ученых, которые, начав свою научно-педагогическую деятельность еще до революции, с первых же дней Советской власти отдали все свои силы культурному строительству пролетарского государства. Избранный в сентябре 1918 г. ординарным профессором Петроградского университета, А. Н. Самойлович много сделал для развития университетской тюркологии. С 1920 г. основная педагогическая деятельность А. Н. Самойловича протекает в стенах Петроградского института живых восточных языков. Здесь, в новом востоковедном вузе, преемственно наследовавшем традиции факультета восточных языков, в полной мере развернулись большие педагогические и научно-организаторские способности А. Н. Самойловича.¹⁴ В 1934 г. А. Н. Самойлович становится директором Института востоковедения АН СССР, однако он не прекращает педагогической работы в университете: здесь он читает курс введения в изучение тюркских языков и тюркоязычных народов и курс туркменского языка.

Плодотворной была в этот период и научная деятельность А. Н. Самойловича. В 1922 г. он издает свои широко известные и получившие всеобщее признание «Некоторые дополнения к классификации турецких языков». Эта работа до сих пор не утратила своего значения как синтез существовавших до того времени классификаций тюркских языков и оригинальная попытка построения новой классификации на чисто лингвистических основаниях. Тремя годами позже — в 1925 г. — вышла в свет «Краткая учебная грамматика современного османско-турецкого языка», отличавшаяся высокими методическими достоинствами и послужившая многим студентам-тюркологам в качестве отличного учебного пособия.

Постоянно привлекали внимание А. Н. Самойловича сюжеты, связанные с изучением истории тюркских языков. Сам А. Н. Самойлович считал историю литературы и литературного языка тюрков Средней Азии «предметом своей ближайшей специальности». ¹⁵ Живой интерес не только к крупным проблемам истории языка, но и ко всем фактам, могущим пролить хотя бы небольшой свет на те или иные стороны культурно-исторического процесса, и глубокая эрудиция А. Н. Самойловича послужили основой для многочисленных его этюдов как историко-этимологического, так и текстологического характера. ¹⁶ Доклады, прочитанные А. Н. Самойловичем на II съезде Турецкого лингвистического общества (1934) и на I съезде туркменских лингвистов (1936), также были посвящены вопросам истории языка. ¹⁷

Литературоведческие работы А. Н. Самойловича в советский период явились продолжением тех его устремлений, которые сложились еще в дореволюционное время: он публикует значительное количество статей по вопросам истории узбекской и туркменской литературы, а также сводный очерк «Литература турецких народов» (1919). ¹⁸

Начало научной деятельности члена-корреспондента АН СССР (с 1943 г.), профессора Ленинградского университета С. Е. Малова (1880—1957) ¹⁹ относится к дореволюционному периоду. Уроженец Казани, сын видного востоковеда миссионерского направления Е. А. Малова (1835—1918), С. Е. Малов первоначально также готовился к миссионерской деятельности и окончил с этой целью духовную академию в Казани. Однако участие в работе Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете, руководимого выдающимся тюркологом Н. Ф. Катановым, и посещение лекций Н. Ф. Катанова в Казанском университете пробуждают у С. Е. Малова интерес к науке. Он совершает поездку в селения татар-мишарей и обобщает результаты своих наблюдений в статье «Из поездки к мишарям». ²⁰

В год окончания духовной академии (1904) С. Е. Малов, так и не приступив к миссионерской деятельности, поступает на факультет восточных языков Петербургского университета и заканчивает его в 1909 г. Основное направление интересов С. Е. Ма-

лова лежало за пределами османистики, определявшей собою профиль подготовки тюркологов на факультете, — в области изучения живых тюркских языков. «Неосманистическая» тюркология в университете в связи с кончиной в 1906 г. П. М. Мелиоранского переживала трудный период, и это побуждает С. Е. Малова искать применения своим устремлениям вне стен университета — в кружке В. В. Радлова. Академик В. В. Радлов, крупнейший русский тюрколог, охотно «принимает» нового ученика, как он это сделал раньше в отношении Н. Ф. Катанова²¹ и позже — в отношении А. Н. Самойловича.²² В. В. Радлов становится продолжительным наставником С. Е. Малова; занятия в кружке В. В. Радлова, а затем и совместные труды навсегда определяют путь С. Е. Малова в науке: он целиком отдается изучению живых тюркских языков и памятников тюркских языков.

1917 год застаёт С. Е. Малова в Казани, где он начинает свою педагогическую деятельность. С 1923 г. С. Е. Малов работает в Петрограде — сначала в Институте живых восточных языков, а затем в университете.

Главной областью научных интересов С. Е. Малова в это время становится лексика тюркских языков, преимущественно лексика старотюркских памятников. В течение многих лет С. Е. Малов работал над собиранием картотеки тюркской лексики. Это богатейшее собрание (коло 100 тысяч карточек) легло в основу изданного учениками С. Е. Малова «Древнетюркского словаря».²³ В 1926 г. С. Е. Маловым были опубликованы в Ташкенте «Образцы древнетюркской письменности», служившие учебным пособием при изучении древнетюркских языков в течение четверти века — до выхода в свет книги С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» (1951).

В Ленинградском университете, где С. Е. Малов был профессором тюрко-монгольской кафедры на филологическом факультете (1934—1941), а затем профессором кафедры тюркской филологии на Восточном факультете и ее заведующим (1947—1949), он читал курсы по языку рунических и уйгурских памятников, по староузбекскому языку, по современному узбекскому, половецкому, ойротскому (алтайскому) языкам, а также курс «Введение в тюркологию».²⁴

Ученик двух крупнейших тюркологов дореволюционной поры — В. В. Радлова и П. М. Мелиоранского, представлявших два направления петербургской тюркологии — академическое и университетское, С. Е. Малов явился достойным последователем своих учителей. Глубоко закономерным представляется тот факт, что основной труд С. Е. Малова «Памятники древнетюркской письменности» (1951) имеет не только научное, но и педагогическое значение: он уже сослужил большую службу делу воспитания востоковедов-тюркологов, делу воспитания научных и педагогических кадров в тюркоязычных республиках и областях и еще долго будет служить основным пособием для изучения истории тюркских языков.

Более двадцати лет (1926—1947) тюркология в Ленинградском университете была связана с деятельностью Н. К. Дмитриева (1898—1954).²⁵ Н. К. Дмитриев — один из виднейших тюркологов советского времени, оставивший многочисленные труды в самых различных областях тюркологии, член-корреспондент АН СССР (с 1943 г.), действительный член Академии педагогических наук РСФСР (с 1945 г.). Выпускник Московского университета и Московского института востоковедения, Н. К. Дмитриев начал свою преподавательскую деятельность в Ленинграде — в 1925 г. в Институте живых восточных языков, а в 1926 г. — в университете. Наиболее плодотворный период деятельности Н. К. Дмитриева связан с его работой в Ленинградском университете, где он в 1934—1941 гг. возглавлял тюрко-монгольскую кафедру в составе филологического факультета, а в 1944—1947 гг. — кафедру тюркской филологии на Восточном факультете. В качестве профессора университета Н. К. Дмитриев читал курсы турецкого, азербайджанского, туркменского, крымско-татарского, балкарского языков, курсы введения в тюркологию, тюркского фольклора, турецкой и туркменской диалектологии. Н. К. Дмитриева интересовали самые различные аспекты тюркского языкознания: фонетика и грамматика, диалектология и лексикология, изучение тюркских языков в сопоставлении с русским языком.

Среди многочисленных трудов Н. К. Дмитриева по грамматике первостепенное значение имеют его сводные, обобщающие работы: «Строй турецкого языка» (Л., 1939), «Грамматика кумыкского языка» (М.; Л., 1940) и в особенности «Грамматика башкирского языка» (М.; Л., 1948), которая как бы подводит итог многолетним занятиям автора по изучению строя тюркских языков и с полным основанием может считаться детищем именно университетского периода деятельности ее автора в Ленинграде (см. предисловие «От автора», с. 3).

Теоретические позиции Н. К. Дмитриева-грамматиста представляют значительный интерес в аспекте общего взгляда на пути изучения тюркских языков русскими тюркологами. Стремление русских тюркологов прошлого века к изучению своеобразия строя тюркской речи находит в грамматических трудах Н. К. Дмитриева дальнейшее развитие, причем особенности лингвистического подхода Н. К. Дмитриева к явлениям тюркской грамматики можно рассматривать как некоторое завершение тенденций, характерных для старых русских тюркологов, как итог предшествующего развития тюркского языкознания, подготовивший условия для перехода к новому этапу грамматических изысканий в области тюркских языков. Такими особенностями грамматического метода Н. К. Дмитриева следует признать острое ощущение специфики отдельных явлений тюркской грамматики, некоторое даже любование «экзотикой» тюркских морфологических категорий, их истолкование в подчеркнутом сравнении с русским языком. В этом плане характерно, что и Ф. Е. Корш, в традициях которого Н. К. Дмитриев воспитывался

в Московском университете, также обращал особое внимание на «экзотичность» некоторых тюркских категорий и конструкций.²⁶ В этом же плане следует понимать и тот факт, что Н. К. Дмитриев отдает дань так называемым «дословным» переводам, преследующим цель показать «необычность» структуры языка.²⁷

Разумеется, нужно учитывать, что такое осмысление грамматического метода Н. К. Дмитриева возможно только с позиций современной науки с ее тенденцией перехода от анализа элементарных образований к изучению системы, в которую они включены. Для своего же времени стремление Н. К. Дмитриева к максимальному выявлению своеобразия отдельных явлений грамматического строя было прогрессивным и явилось существенным шагом вперед по сравнению с первыми опытами подобного рода у его предшественников.

В разделе синтаксиса в «Грамматике башкирского языка» автор формулирует свои известные теоретические положения о принципах выделения придаточных предложений, оказавшие значительное влияние на дальнейшие исследования в этой области. Автор подробно рассматривает специфику башкирских конструкций, соответствующих русским придаточным предложениям, и делает чрезвычайно много тонких наблюдений. Н. К. Дмитриев исходит при этом из понятия о придаточных предложениях применительно к их структуре в европейских языках: он ищет такие башкирские конструкции, которые могли бы быть зачислены в разряд придаточных предложений, и находит их (с. 244—270). Вопрос же о месте этих конструкций в строе башкирской речи безотносительно к терминологии занимает в концепции Н. К. Дмитриева второстепенное место.

В круг научных интересов Н. К. Дмитриева входила также и диалектология. Здесь следует отметить работу «Материалы по османской диалектологии. Фонетика „карамалицкого языка“» (1928—1930), представляющую собой интересный опыт восстановления турецкой фонетики по записям, сделанным в середине прошлого века близ Салоник славянскими буквами.²⁸

Для истории изучения и преподавания тюркских языков в Ленинградском университете особый интерес представляет опубликованный курс лекций Н. К. Дмитриева «Синтаксис балкарского языка», который он читал в 1940—1941 учебном году.²⁹ Для курса в целом (как и для грамматических взглядов Н. К. Дмитриева вообще) характерно то, что в нем рассматривается не только синтаксис предложения, но также и вопросы, относящиеся к «синтаксической морфологии». Проблема формы словосочетаний, в том числе и вопрос о падежах как зависимых формах (синтаксис → морфология), в курсе Н. К. Дмитриева дополняется изучением семантики падежей и их синтаксического использования, то есть как бы «обратным» взглядом на падежи (морфология → синтаксис). В разделе, посвященном предложению, автором рассматриваются вопросы, связанные с синтаксисом членов предложения, и обосновывается классификация типов предложения.

С 1949 г. по 1972 г. кафедрой тюркской филологии Восточного факультета ЛГУ руководил А. Н. Кононов, избранный в 1958 г. членом-корреспондентом, а в 1974 г. действительным членом АН СССР.³⁰ А. Н. Кононов — один из виднейших тюркологов нашей страны, председатель Советского комитета тюркологов. Окончив в 1930 г. Ленинградский восточный институт и пройдя в нем серьезную востоковедную школу у А. Н. Самойловича, В. В. Бартольда, С. Е. Малова, Е. Э. Бертельса, Н. К. Дмитриева, А. Н. Кононов в 1931 г. начинает педагогическую работу в этом же институте. В 1934 г. А. Н. Кононов совместно с Х. Джемдетзаде опубликовал ценный учебник «Грамматика современного турецкого языка». В 1937 г. А. Н. Кононов приступает к чтению лекций по турецкому языку на тюрко-монгольской кафедре филологического факультета ЛГУ. В 1939 г. А. Н. Кононовым была защищена кандидатская диссертация «Система турецкой грамматики в изложении турецких авторов». Дальнейшая работа А. Н. Кононова неразрывно связана с Ленинградским университетом: с 1941 г. он — доцент, а с 1950 г. — профессор Восточного факультета. Заведая с 1949 г. кафедрой тюркской филологии, А. Н. Кононов в 1953—1954 гг. занимал также должность декана Восточного факультета.

В течение почти полувека научно-исследовательская деятельность А. Н. Кононова протекает в Институте востоковедения АН СССР, где ныне в Ленинградском отделении института он является старшим научным сотрудником. Здесь в 1948 г. он защитил докторскую диссертацию («Родословная туркмен» Абу-л-Гази-хана — сводный текст, перевод, грамматический очерк, историко-филологический комментарий). В 1961—1963 гг. А. Н. Кононов возглавлял Ленинградское отделение Института народов Азии.

В своей научной деятельности А. Н. Кононов является продолжателем лучших традиций русского востоковедения. Тюрколог-языковед широкого профиля, А. Н. Кононов известен своими трудами по грамматике и этимологии тюркских языков, текстологическими исследованиями и работами по истории отечественной тюркологии и востоковедения в целом.

Главное направление исследований А. Н. Кононова лежит в области изучения грамматики тюркских языков, преимущественно турецкого и узбекского. В 1941 г. А. Н. Кононов публикует «Грамматику турецкого языка», которая на широкой общетюркологической основе трактует вопросы фонетики и грамматического строя турецкого языка. Здесь сделан важный шаг к истолкованию фактов турецкой грамматики не в сопоставлении с русским языком, а «изнутри» самого турецкого языка. В «Грамматике турецкого языка» А. Н. Кононов дал полное описание строя турецкого языка и сформулировал свои взгляды на основные проблемы турецкой грамматики. Этот труд А. Н. Кононова получил заслуженное признание, в том числе и в Турции.

В 1956 г. вышла в свет отмеченная 1-й премией ЛГУ (1957)

«Грамматика современного турецкого литературного языка» А. Н. Кононова. Появлению ее предшествовали длительные разыскания, частично отраженные в статьях по отдельным вопросам турецкой грамматики, опубликованных с 1939 по 1953 гг., а также большая педагогическая работа, в процессе которой уточнялись воззрения ее автора на строй турецкого языка. В этом труде А. Н. Кононова нашли отражение лучшие стороны его научной деятельности: верность передовым традициям русского востоковедения, поистине энциклопедическое знание тюркологической литературы, пытливые проникновения в самое существо строя тюркских языков. Эта работа представляет собой оригинальное истолкование грамматики турецкого языка, в ней собран и систематизирован огромный материал, в существенной его части впервые привлеченный для обобщения фактов турецкой грамматики. Автор проявляет пристальное внимание к морфологической характеристике частей речи, к процессам, происходящим в языке, оригинальная система синтаксиса в этой работе являет собою плод поисков, начатых в двух предыдущих грамматиках турецкого языка А. Н. Кононова.

А. Н. Кононову принадлежат также две грамматики узбекского языка. «Грамматика узбекского языка» (Ташкент, 1948) явилась первым полным описанием грамматического строя узбекского языка, а «Грамматика современного узбекского литературного языка» (М.; Л., 1960) обобщила многолетние изыскания ее автора в области изучения тюркских языков вообще: отдельные явления узбекской грамматики и строй узбекского языка представлены в ней на широком общетюркологическом фоне. В 1980 г. вышла в свет «Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв.» — результат долговременных занятий А. Н. Кононова историей и исторической грамматикой тюркских языков.

Другое направление научной деятельности А. Н. Кононова связано с текстологическими исследованиями. Им составлен сводный текст сочинения Алишера Навои «Махбуб-ул-кулуб» («Возлюбленный сердце») по всем доступным его спискам (1948). В 1958 г. А. Н. Кононовым издана книга «Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази-хана Хивинского», в которой сводный текст, составленный по семи рукописям, снабжен переводом, историко-филологическим комментарием и грамматическим очерком.

Особую группу работ А. Н. Кононова составляют многочисленные статьи по вопросам истории отечественной тюркологии и отечественного востоковедения и вышедшая двумя изданиями книга «История изучения тюркских языков в России. Дооктябрьский период» (Л., 1972; Л., 1982).

За сорок с лишним лет работы на Восточном факультете ЛГУ А. Н. Кононов прочитал большое количество теоретических и специальных курсов по различным аспектам тюркского языкознания, вел семинарские занятия по древнетюркским памятникам

и средневековым турецким текстам. Среди теоретических курсов А. Н. Кононова, оказавших большое влияние на подготовку специалистов-тюркологов на Восточном факультете ЛГУ, следует назвать такие курсы, как «Грамматика турецкого языка в научном освещении», «История турецкого языка», «Памятники древнетюркской письменности», «Введение в тюркское языкознание» и др.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. Изд. 2-е. Л., 1982, с. 154—176.

² Бартольд В. В. Мелиоранский. П. М. Некролог. — В кн.: Бартольд В. В. Соч. Т. IX. Работы по истории востоковедения. М., 1977, с. 585—588.

³ ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, д. 15858, л. 5—7, 31, 92, 148.

⁴ Обзорение преподавания наук по факультету восточных языков Петроградского университета в осеннем полугодии 1917 года и в весеннем полугодии 1918 года. Пг., 1917, с. 5—7; ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, д. 15858, л. 3—4.

⁵ Обзорение преподавания. . . , с. 17—18; ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, д. 15858, л. 9.

⁶ ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 3, д. 15858, л. 14.

⁷ Там же, л. 106.

⁸ Там же, л. 83 об.

⁹ Там же, л. 108^a, 109.

¹⁰ Аштин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович. — НАА, 1963. № 2, с. 245.

¹¹ ГИАЛЮ, ф. 14, оп. 1, д. 10647, л. 71.

¹² Кононов А. Н., Иорш И. И. Ленинградский восточный институт: Страница истории советского востоковедения. М., 1977. 136 с.

¹³ Аштин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович, с. 243—264; БСОТ, с. 254—256.

¹⁴ Кононов А. Н., Иорш И. И. Ленинградский восточный институт, с. 14—16 и др.

¹⁵ Самойлович А. Н. Стамбульские впечатления 1936 г. — Звезда, 1936, № 12.

¹⁶ Аштин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович, с. 248.

¹⁷ Там же, с. 249.

¹⁸ Там же, с. 250—251.

¹⁹ БСОТ, с. 211—212.

²⁰ Учен. зап. Казанск. ун-та, 1904, приложение, с. 1—24.

²¹ Иванов С. Н. Николай Федорович Катанов (очерк жизни и деятельности). Изд. 2-е. М., с. 96—97.

²² Аштин Ф. Д. Александр Николаевич Самойлович, с. 244.

²³ Древнетюркский словарь. Л., 1969, 676 с.

²⁴ Архив ЛГУ. История кафедр по факультетам (к 120-летию ЛГУ). [Н. К. Дмитриев] Тюрко-монгольская кафедра, с. 11—13.

²⁵ Аракин В. Д. Николай Константинович Дмитриев (1898—1954). М., 1972, 88 с. Библиография трудов о Н. К. Дмитриеве — с. 86—88.

²⁶ Корш Ф. Е. Способы относительного подчинения: Глава из сравнительного синтаксиса. М., 1877, с. 37—38; Дмитриев Н. К. Федор Евгеньевич Корш. М., 1962, с. 5—6.

²⁷ Дмитриев Н. К. Строй турецкого языка. Л., 1939, с. 59—60.

²⁸ Векилов А. П. Изучение турецких диалектов Малой Азии дореволюционными и советскими учеными. — Учен. зап. ИВ АН СССР, М., 1960, т. XXV. Отд. оттиск, с. 297—298.

²⁹ Дмитриев Н. К. Строй тюркских языков. М., 1962, с. 358—394.

³⁰ Материалы к библиографии ученых СССР. СЛЯ. Вып. 13. Андрей Николаевич Кононов. М., 1980. 64 с.